

Работа восточногерманской исследовательницы И. Рохов, посвященная знаменитой византийской поэтессе IX в. Кассии (или Касии), построена не вполне обычным образом. Из заглавия книги читатель узнает, что речь пойдет не только о самой Кассии, но и о ее жизни в веках (Nachleben), а из предисловия, — что второй вопрос по причине своей малоизученности занимает автора куда больше, чем первый. В полном соответствии с этим распределен объем книги: из 199 страниц ее основной части (по вычете предисловия, примечаний и библиографии) жизни и творчеству Кассии посвящено лишь 69 страниц, а ее Nachleben — 130 страниц, т. е. почти вдвое больше. Все это само по себе вполне обычно, но что такое Nachleben Кассии? Она жила в памяти последующих поколений двояким образом: как автор определенных сочинений, известных преимущественно благодаря литургическому обиходу, и как героиня популярной легенды о смотре невест для императора Феофила. То и другое имеет друг к другу довольно косвенное отношение: можно было пересказывать легенду об отвергнутой невесте, не слышавшим задумываясь над богослужебными поэмами Кассии, или, напротив, проявлять особый интерес к возглавляемым в церкви творениям поэтессы, ничего не зная о легенде. Если принять во внимание, что как раз с точки зрения И. Рохов рассказа о смотре невест не имеет к исторической Кассии никакого отношения (см. ниже), тематическое единство книги становится еще более сомнительным. Пока мы не покидаем пределов фольклора (или полуфольклорной балканской словесности вроде «моральной повести» М. Видаковича «Селим и Мерима», 1839 г.), это еще не так ощутимо: можно представить себе, что народная память о поэте в самых причудливых своих проявлениях есть все же некий ответ на его творчество. В самом деле, народное предание о Кассии переплетает с фавулой легенды мотивы подлинного творчества поэтессы¹. Но дело в том, что автор делает попытку проследить Nachleben Кассии вплоть до сегодняшнего дня — преимущественно в исторических романах, пьесах, популярных очерках и т. п. (в одном ряду со всей этой продукцией по воле автора оказывается французский стихотворный перевод подлинной стихии Кассии, являющий собою пример Nachleben в совсем ином смысле этого слова²). Слагатели народных преданий о Кассии по крайней мере слышали в церкви ее песнопения; но современные романисты, получавшие все свои сведения о ней из Гиббона или из Дила, — в каком внутреннем, содержательном, органическом отношении к византийской инокине и ко всему ее миру могут они стоять? Сведения, трудолюбиво собранные И. Рохов, принадлежат к истории новейшей литературы или околотитературной «индустрии романов»³; к изучению византийской культуры и ее подлинной «жизни в веках» они имеют очень мало касательства.

Поэтому пропорции нашего обзора не могут и не должны соответствовать пропорциям самой книги. В книге очень лаконично говорится о самой Кассии как исторической личности и творческой индивидуальности, но очень обстоятельно — о судьбах ее образа в романе и драме; в обзоре придется поступить как раз наоборот.

Часть I имеет заглавие: «Личность Кассии» (стр. 3—31). Остановившись на различных вариантах имени поэтессы (Касия, Кассия, Ейкасия, Икасия, а также позднейшие варианты Касиана и Кассиана), автор отдает предпочтение форме *Kassia*, а не *Kassia*, как в свое время делал Крумбахер: написание с одной сигмой засвидетельствовано лучшими рукописями, но написание с двумя сигмами — акростихом погреб-

¹ См. стр. 77 слл. Легенда связывает возникновение знаменитой великопостной стихии Кассии «Господи, яко во многие грехи. . .» с появлением императора Феофила в монастыре, где жила некогда отвергнутая им невеста.

² См. стр. 185—187. Утверждение, согласно которому рифмованный перевод Кристофа, опубликованный в 1924 г., представляет собой «единственное поэтическое переложение литургического стихотворения Кассии на современный европейский язык» (стр. 187), неверно. Надо полагать, что к категории «современных европейских языков» принадлежит между прочим и русский язык: а ведь русская поэзия знает такую обработку мотивов Кассии, сравнительно с которой опыт Кристофа не выходит за пределы корректного версифицирования. Кроме того, сама исследовательница приводит прекрасное новогреческое переложение этой же стихии, сделанное таким поэтом, как К. Паламас, и менее блестящие опыты того же рода у других греческих поэтов (стр. 135—136 и 169—171).

³ Чего стоит роман А. Кириакоса «Кассиана» с такими, например, названиями глав: «Трагедия одной грешницы», или «Дикая любовь дочери атамана пиратов»! К разряду того, что по-немецки именуется «Kitsch», следует, без сомнения, отнести и книгу Г. Руссака, длинный пассаж из которой приведен на стр. 190: «Несколько мгновений прекрасная Кассия стояла, немая, как мраморное изваяние. Затем она сделала господину императору насмешливый книксен (!). Она подхватила свой шелковый наряд, так что тот зашуршал и стали видны красивые икры (!), и прошествовала мимо Феофоры. . .» и т. д. и т. п. Разумеется, несерьезная словесность заслуживает самого серьезного изучения, — но едва ли в связи с Кассией.

бального канона поэтессы, удостоверяющим, что сама она писала свое имя так и не иначе (стр. 3; ср. стр. 35—37)⁴. Затем И. Рохов переходит к источникам, относящимся к биографии Кассии. Как известно, такого рода источники можно усматривать прежде всего в двух группах текстов: в рассказах Льва Грамматика и зависящих от него хронистов о смотре невест Феофила (если только эти рассказы достоверны) и в трех письмах Феодора Студита, адресованных соответственно «Кассии кандидатиссе», «Кассии» и снова «Кассии кандидатиссе»⁵ (если только адресат этих писем тождествен с поэтессой). При этом понятно, что вопрос о надежности второй группы текстов существенно важнее, чем вопрос о достоверности рассказов о встрече Кассии и Феофила (которые в любом случае излагают свое содержание — будь это вымысел или действительное событие — в формах легенды). Сопоставляя повествования хронистов с эпизодом обручения Феофила из жития Феодоры, исследовательница приходит к выводу, — пожалуй, примерно столь же вероятному и столь же недоказуемому, как и противоположный, — что оба рассказа возникли независимо друг от друга⁶ и одинаково недостоверны (стр. 18, 31). Напротив, все три письма Феодора Студита И. Рохов считает адресованными поэтессе Кассии и соответственно рассматривает их как наиболее достоверные источники для ее биографии (стр. 23—26). К сожалению, отмечая противоположное мнение Е. Э. Липшиц⁷, она никак не разъясняет, почему именно «хронологические доводы» последней представляются ей недоказательными⁸. Соответственно возникает следующий образ Кассии: девушка, родившаяся между 800 и 805 гг. в семье высокопоставленного «кандидата» и получившая хорошее образование, уже в ранней молодости приняв-

⁴ Как известно, канон дошел (в соответствии с обычным литургическим *usus* om без второй песни, благодаря чему акростих читается не полностью; но как раз заключительное ΑΜΑ ΧΡΙΣΤΩ ΚΑΣΣΙΑΣ стоит вне сомнения.

⁵ A. Mai. *Nova patrum bibliotheca*, VIII, p. 126 (142); p. 217 (270); PG 99, col. 1622 (205). Титул *καυδιδάτισσα*, обычно прилагавшийся к жене царедворца — «кандидата», исследовательница вслед за Петридом предлагает понимать в данном случае как обозначение «дочери кандидата» (стр. 24; ср.: «Revue de l'Orient Chrétien», 7, 1902, p. 225); это в любом случае единственно возможный смысл, ибо даже если письма обращены не к поэтессе Кассии, они обращены к *девице*.

⁶ Для русской науки традиционная противоположная точка зрения. Ср. Б. Мелиоранский. Из семейной хроники Аморийской династии. — ВВ, VIII, 1904, стр. 1—37; Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. М.—Л., 1961, стр. 315—318. На деле, однако, оперирование с сакраментальным яблоком или седмицей яблок в обеих версиях настолько несходно, что картина, набросанная Е. Э. Липшиц (повесть в житии Феодоры «сложилась еще при жизни остальных участников смотра, которые могли легко восстановить в памяти сцену молчания Феодоры и, следовательно, дискредитировать рассказ». — Указ. соч., стр. 317), трудно вообразима.

⁷ Стр. 25. См: Е. Э. Липшиц. К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. (Кассия). — ВВ, IV, 1951, стр. 134, примеч. 10; *ее же*. Очерки истории византийского общества и культуры, стр. 318.

⁸ Аргументация Е. Э. Липшиц основана на том, что «пострижение Кассии в монастырь не могло совершиться ранее 830 г. и что, с другой стороны, смерть Феодора Студита в 826 г. не допускает возможности отнесения этих писем ко времени более позднему, чем 825—826 гг.» (Очерки истории византийского общества и культуры, стр. 318). Все это бесспорно: но откуда следует, что письма Феодора адресованы монахине? В одном из этих писем как раз говорится о том, что корреспондентка студийского игумна откладывает свое пострижение до торжества Христовой веры (*θρόλογία Χριστοῦ*. — A. Mai. *Op. cit.*, VIII, p. 217 (270)). Возникающее в другом письме обозначение «невеста Христова» (*ibid.*, p. 125—126, N 142) едва ли имеет слишком определенный смысл: в общем умиленно-комплиментарном контексте (Феодор благодарит адресатку за попечение о нем и особенно о подвергнутом заточению Дорофее) оно вполне может служить всего лишь указанием на благочестивое рвение живущей в миру девицы и на ее намерение когда-нибудь поступить в монастырь. Такое решение могло быть принято на самом пороге сознательной жизни, в ранней молодости. Если доверять рассказу хронистов о смотре красавиц и вступать при этом на сомнительный путь психологических домыслов (напоминаем, что И. Рохов не делает ни того, ни другого), едва ли возможно найти абсолютное противоречие между появлением Кассии среди невест Феофила и ее ранним решением (принятым еще до этого) девствовать во имя бога. Не говоря уже о том, что исполнители приказа Феофиловой матери Евфросины едва ли осведомлялись о жизненных планах собираемых ими девушек, византийская религиозная этика столь высоко оценивала образ венценосной поборницы православия, что благочестивая девственница вполне могла усмотреть в роли Есфири иконопочитания — той самой роли, за которую ее счастливая соперница была причислена к лику святых! — равноценную замену иноческого подвига. Притом решение стать монахиней — это еще не формальный монашеский обет, и «Христова невеста» могла попытаться во имя Христова дела стать невестой Феофила.

шая более или менее окончательное решение посвятить себя монашеской жизни, однако отложившая постритие до конца иконоборческих бурь, активно выступавшая на стороне иконопочитателей и даже подвергшаяся за это бичеванию, заботившаяся о заключенном Дорофее Студите и преследовавшая непримиримой ненавистью отступника Феодора Стратига, а позднее — по-видимому, после 843 г. — ставшая, наконец, инокиней. Исследовательница не без остроумия изыскивает параллели между этим образом и поэтической личностью Кассии (например, безжалостная нетерпимость к «предателю» Феодору естественно ассоциируется с группой моностихов, открывающихся словом *μωβ* и бичующих наряду с прочими пороками также предательство и отступничество в дружбе). Впрочем, умозаключения от стихов к человеческому облику их творца по необходимости субъективны и не могут быть иными. Почти курьезно, что если, скажем, для Е. Э. Липшиц «поэзия Кассии. . . замыкается в пределах узкой келейной (sic!) тематики»⁹, то для И. Рохов как раз обнаруживающееся в этой поэзии незаурядное знание и понимание мирской жизни может служить лишним доводом в пользу предположения о долголетнем пребывании поэтессы в миру¹⁰.

Часть II посвящена произведениям Кассии. Автор начинает с литургических стихотворений и дает перечень подлинных и сомнительных текстов, сопровождая каждый номер этого перечня сжатой характеристикой. К разряду подлинных произведений Кассии отнесено 23 образца богослужебной лирики: среди них — и столь неотъемлемые компоненты православного церковного обихода, как блистательно и умно построенная стихира рождественской вечерни «Августу единоначальствующую на земли. . .», проникновенная стихира заутрени страстной среды «Господи, яже во многия грехи впадшая жена. . .», стихира вечерни рождества Иоанна Крестителя «Исаии ныне. . .», стихира вечерни Петрова дня «Светильники великие» и т. д., и менее известные сочинения, как, например, погребальный канон и тетрадь на страстной четверг «Старче неразумный. . .». Остающиеся 37 стихотворений признаны сомнительными или заведомо не принадлежащими Кассии (стр. 35—38). Курьеза ради упомянута фантастическая гипотеза Андреопулоса, приписывавшего поэтессе. . . авторство *Ἰρμος Ἀχάθιστος*. Затем И. Рохов переходит к стихотворным сентенциям Кассии, довольно подробно останавливаясь на текстологических вопросах (стр. 60—65) и давая сжатую, но четкую и во многом убедительную характеристику формального и содержательного облика гномических опытов поэтессы (стр. 66—71). Можно только приветствовать нежелание И. Рохов выискивать в этих опытах автобиографические намеки (стр. 71—72), причем, само собой вытекающее из того недоверия, с которым она относится к легенде о смерти невест.

Часть III, почти вдвое превышающая обе остальные части, посвящена жизни Кассии в памяти поколений. Автор рассматривает предания о поэтессе, как они развивались в греческом фольклоре поздневизантийского и турецкого периодов; особо отмечаются локальные традиции, связанные с Кассиной Псалтирюю в синайской обители св. Екатерины (стр. 81—86) и с островом Касосом (стр. 87—91). Трогательный рассказ о «грекине Кассии» у отца сербского романа М. Видаковича, целиком приведенный и разобранный на стр. 93—96, еще может рассматриваться как неискаженная фиксация народного предания. Затем автор вступает в область новейшей романистики и драмы, обстоятельно описывая связанные с образом Кассии произведения Д. Вернардакиса, А. Стаматиадиса, А. Пападопулу, А. Кириакоса, А. Антониадиса, К. Паламаса, И. Афинаоса, М. Руссоса и Г. Руссоса, Г. Лингга, Б. Экштейн, Г. Руссака и др. Весь этот материал, добросовестно собранный и продуманно — хотя иногда с излишней серьезностью — описанный, сам по себе интересен; к византистике он, как уже говорилось, прямого отношения не имеет, и потому от его разбора мы воздерживаемся.

С. С. Аверинцев

НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД НИКИТЫ ХОНИАТА

В серии «Byzantinische Geschichtsschreiber» вышло четыре томика¹, содержащие немецкий перевод значительной части литературного наследия Никиты Хониата: его «Истории», речей и писем. Весь перевод выполнен австрийским филологом Ф. Граблером.

Заслуга Граблера бесспорна. Сочинения Хониата — важнейший источник по византийской истории XII в. Впрочем, они не только исторический источник, но и первоклассный литературный памятник. Граблер, автор специальных работ об ораторском искусстве Хониата², не упускает этого из виду: он старается передать в переводе не

⁹ Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 336.

¹⁰ I. Rochow. Op. cit., S. 70.

¹ Die Krone der Komnenen. Graz, Wien, Köln, 1958; Abenteuer auf dem Kaiserthron, 1958; Die Kreuzfahrer erobern Konstantinopel, 1958; Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede, 1966.

² F. Grabler. Niketas Choniates als Redner. — JÖBG, 11—12, 1962—1963; F. Grabler. Das Zitat als Stilmittel bei Niketas Choniates. — «Akten des XI. Byzantinistenkongresses». München, 1960.